

К ИЗУЧЕНИЮ ФОРМУЛЯРА ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИХ ДУХОВНЫХ ГРАМОТ КОНЦА XIV—НАЧАЛА XVI в.

Происхождение великокняжеских духовных грамот подверглось обстоятельному анализу в исследованных Л. В. Черепнина¹ и А. А. Зимина.² Однако подробного дипломатического разбора этих источников в литературе пока не существует. Задачи настоящей работы — показать возможности дальнейшего изучения великокняжеских духовных как исторического источника методами дипломатической критики. Общая характеристика формулирных особенностей ранних духовных (до 1375 г.) уже была дана нами.³ Здесь мы уделим главное внимание духовным грамотам конца XIV—начала XVI в., периода объединения Руси, при этом более ранние грамоты будут приноситься для сравнения.

К изучаемому времени относятся вторая духовная Дмитрия Донского (1389 г.);⁴ три духовных Василия I разного времени: 1) 1406—1407 гг.;⁵ 2) 1417 г.⁶ (или 1417—1420 гг.);⁷ 3) 1423 г.⁸ (или 1419—1423 гг.);⁹ две грамоты Василия II (1461—1462 гг.) — основная¹⁰ и дополнительная или приписанная;¹¹ духовная Ивана III (1503—1504 гг.).¹² Грамоты Дмитрия Донского, Василия I и Василия II дошли и подлинниках, причем духовная Дмитрия Донского — на пергамене. Духовная Ивана III сохранилась в списке начала XVI в.

Символическая инвокация в виде креста имеется на духовных Дмитрия Донского,¹³ великой княгини Софьи¹⁴ и Василия II.¹⁵

¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I. М.—Л., 1948.

² Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — Проблемы источниковедения, VI, 1958.

³ Каптанов С. М. Русские княжеские акты X—XIV вв. (до 1380 г.). — Археогрф. ежегодник за 1974 год. М., 1975, с. 114—115.

⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950 (далее — ДДГ), № 12.

⁵ Там же, № 20. — Уточнение датировки см.: Зимин А. А. О хронологии. . . с. 291—292.

⁶ ДДГ, № 21.

⁷ Зимин А. А. О хронологии. . . с. 292—293, 323.

⁸ ДДГ, № 22.

⁹ Зимин А. А. О хронологии. . . с. 293—294, 323.

¹⁰ ДДГ, № 61а.

¹¹ Там же, № 61б.

¹² Там же, № 89. — Уточнение датировки см.: Зимин А. А. О хронологии. . . с. 319—320; Каптанов С. М. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967, с. 198—202.

¹³ См.: Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГД), ч. I. М., 1813, № 34, с. 58.

¹⁴ Там же, № 83, с. 191.

¹⁵ Там же, № 86—87, с. 202, 207.

Отсутствие символической invocatio и завещания Ивана III неочевидательно, так как оно дошло в списке.¹⁶ Интереснее, что символической invocatio нет в трех духовных Василия I.¹⁷ Наиболее ранняя из них составлялась либо после смерти митрополита Кириана, либо в период его болезни,¹⁸ когда влияние митрополитичьей канцелярии могло быть ослаблено. В этом документе допущен такой странный «ляписус», как пропуск слова «духа» и словесной invocatio. Несмотря на участие митрополита Фотия в оформлении второй и третьей духовных Василия Дмитриевича, его первая духовная, видимо, служила образцом, от которого и в вопросе о символической invocatio не отступили.

В завещаниях Дмитрия Донского и Василия I Дмитриевича редакция словесной invocatio остается той же, что и в более ранних духовных грамотах: «Во имя отца и сына и святого духа».¹⁹ Но уже в грамоте Софьи Витовтовны, вдова Василия I и матери Василия II Васильевича (1451²⁰ или 1449—1454 гг.²¹), после слов «во имя» появляется дополнительный элемент — «святыя и живопачашия Троица», вследствие чего вся invocatio усложняется: «Во имя святыя и живопачашия Троицы, отца и сына и святого духа».²² Эта вторая редакция invocatio переходит в духовные Василия II и Ивана III. Включение в духовную Софьи оборота о Троице связано, по-видимому, с влиянием митрополитичьей канцелярии (грамоту писал митрополитичий дьяк).

Начиная со второй духовной Василия Дмитриевича после invocatio помещается указание на благословение митрополита: «по благословению отца нашего Фотия, митрополита Киевского и всея Руси».²³ До этого подобный оборот в духовные грамоты князей не вставлялся,²⁴ зато находим аналогичный уже в договорных грамотах Дмитрия Донского.²⁵

В договорных грамотах ссылка на благословение митрополита носит характер юридической преамбулы, освящающей акт и при-

¹⁶ Там же, № 144, с. 389.

¹⁷ Там же, № 39, 41, 42, с. 72, 80, 83.

¹⁸ З и м и н А. А. О хронологии. . . , с. 291—292.

¹⁹ Цит. по: ДДГ, № 12, с. 33; ср. № 21, 22; и первой духовной Василия Дмитриевича опущено слово «духа» (там же, № 20).

²⁰ Там же, № 57.

²¹ З и м и н А. А. О хронологии. . . , с. 313, 324.

²² СРГД, ч. I, № 83, с. 191. — В ДДГ (№ 57, с. 175) текст «Во имя святыя и живопачашия Троицы, от» заключен в квадратные скобки как несохранившийся, но восстанавливаемый. В СРГД он приводится как сохранившийся, без каких-либо комментариев или шрифтовых выделений.

²³ ДДГ, № 21, с. 57; № 22, с. 60.

²⁴ Следовательно, отсутствие его в первой духовной Василия Дмитриевича не может служить доказательством того, что она была составлена только после смерти митрополита Кириана (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. . . , ч. I, с. 86). Возражение против решающей для датировки документа роли отсутствия «благословения» митрополита выдвинул еще А. А. Зышин (О хронологии. . . , с. 291—292), но он аргументировал это лишь предположением о времени болезни Кириана.

²⁵ ДДГ, № 5, 9—11; Капитанов С. М. Русские княжеские акты. . . , с. 114.

дающей ему бесспорность. Поскольку в докончаниях словесной инвокации нет вообще, связь преамбулы со словесной инвокацией по токетам грамот этой группы не прослеживается. Во второй и третьей духовных Василия Дмитриевича обособленность преамбулы от инвокации находит выражение в отсутствии между ними союза «и». Впервые он появляется в этом месте формулы в духовной Софьи Витовтовны, что, возможно, связано с употреблением в ней расширенной редакции инвокации, в которой фигурирует Троица: «Во имя святаго и животоначальнаго Троица, отца и сына и святаго духа, и по благословению отца нашего Папы, митрополита Киевскаго и всея Руси».

Соединение инвокации с преамбулой усиливало публично-правовое значение духовной как акта, составленного с согласия и по благословению главы церкви. Соединение же преамбулы с инвокацией приравнивало благословение митрополита к призыванию священного имени. Оба аспекта показывают возрастную роль церкви или по крайней мере церковной идеологии в оформлении великокняжеских духовных грамот.

Конструкция инвокация—преамбула типично содержится в духовной Софьи Витовтовны была применена затем в завещаниях Всеялии II и Ивана III.

Титул митрополита в преамбуле духовных грамот великих князей менялся. Если во второй и третьей духовных Василия Дмитриевича, а также в завещании Софьи Витовтовны митрополит называется Киевским и всея Руси, то в духовных Василия II и Ивана III слова «Киевскаго и» опущены. Это был возврат к первоначальному краткому митрополитскому титулу «всея Руси», характерному еще для преамбулы докончаний Дмитрия Донского.

В интитуляции великокняжеских завещаний, которая помещается после инвокации или (начиная со второй духовной Василия Дмитриевича) после инвокации—преамбулы, сохраняется прежняя структура. Всяду интитуляция открывается оборотом «се из», далее идет определение «грешный». В духовных Василия II и Ивана III идея грешности завещателя усиливается заменой слова «грешный» на «многогрешный», что также является показателем роста влияния церковной концепции. Следующее за этим выражение «худой раб божий» остается без изменений. Оно непосредственно предшествует имени князя. Всяду, кроме духовной Семени Гордого, приходится светские имя князя. В интитуляции духовной Семени вместо имени «Семен», характерного для его докончательных грамот, читаем «Созонт».²⁶ Это исключение из правила было вызвано, видимо, тем, что Семен, не имея мужского потомства, давал «ридо» только «сношю княгине», а фактическими наследниками престола оказывались его братья, желавшие гарантировать себя от возможной конкуренции со стороны какого-нибудь неопределенного «Семеновича». Кроме того, духовная Семени составлялась,

²⁶ ДДГ, № 3, с. 13.

наперное, после принятия им монашеского чина, ибо перемена имени формально должна была быть связана с пострижением.²⁷

Отчество великих князей встречается только в титулиции духовных грамот Ивана Ивановича и его сына Дмитрия Ивановича.²⁸ Ни до, ни после них оно не употреблялось. Введенное отчества в завещание Ивана II подчеркивалась вопреки исторической действительности преемственность его власти от отца: Иван II фактически наследовал брату, а не отцу. В духовную Дмитрия Донского отчество великого князя могло быть включено по аналогии с предшествующим завещанием Ивана II и для утверждения принципа прямого наследования от отца к сыну, нарушенного после смерти Семена Гордого.

Вслед за титулицией в духовных великих князей находим заявление о написании грамоты и о физическом и душевном состоянии завещателя в тот момент. Можно выделить несколько оборотов, которые в разных грамотах в разном сочетании образуют эту завершающую часть первой фразы княжеских завещаний: а) декларация факта написания («пишу. . . грамоту. . . »); б) указание конкретных обстоятельств, при которых писалась духовная; в) указание цели написания; г) признание ненужности составления духовной; д) формула «целым своим умом»; е) близкая к ней: «и своим умом»; ж) развилочная предыдущую: «и в своем разуме»; з) формула «и своим здоровьем»; и) аналогичная ей: «здоров»; к) аналитическая: «при своем здоровье»; л) формула «при своем животе»; м) формула «добре».²⁹

Покажем сочетание выделенных оборотов в конкретных духовных:

1-я и 2-я	Ивана Калиты	: а б г д з
	Семена Гордого	: л д а
1-я и 2-я	Ивана Красного	: а г д з
2-я	Дмитрия Донского	: а д
1-я	Василия I	{ : а е м и
2-я		{ : к л
3-я		{ : к л
	Святыи Витовтовичи	: а в е ж
1-я	Василия Темного	{ : л е а
2-я		{ : в д
	Ивана III	: л е а

²⁷ Ч е р е п и н И. В. Русские феодальные архивы. . . ч. 1, с. 26. — М. П. Тихомиров (Древняя Москва. М., 1947, с. 39, прим. 3) полагал, что Семен пришел кн. Сюзонта потому, что это было его престольное (патриональное) имя. При этом автор без ссылки на источник утверждал, что Семен родился 7 сентября, на память св. мученика Сюзонта. Между тем в летописях не удается найти точной даты рождения Семена. Поскольку на печати этого князя изображен св. Симеон Перс (ДДГ, с. 56, № 9), можно думать, что именно он, а не Сюзонт являлся патроном Семена Гордого.

²⁸ ДДГ, № 4 (а, б), 12; К л а с т а н о в С. М. Русские княжеские акты. . . с. 115.

²⁹ Все цитируемые формулы приведены в правописании наиболее раннего текста, где они употреблены.

Оборот «а» является обязательным для всех завещаний. Во всех ранних грамотах, за исключением духовной Семена Гордого, он идет сразу после титуляции. Со второй духовной Василия Дмитриевича он перемещается в конец фразы, и только в духовной Софьи Витовтовны видим его вновь на первом месте. Формулировка данного оборота менялась. Наиболее ранняя — в духовных Ивана Калиты: «спину душевную грамоту». В том же виде этот оборот повторяется только во второй духовной Ивана Красного. Уже в завещании Семена допущена перестановка слов: «спину грамоту душевную». Та же редакция — в первой духовной Иване Красного, во второй духовной Дмитрия Донского и во всех трех духовных Василия Дмитриевича. Этот утвердившийся порядок слов сохраняется в первой духовной Василия Темного и в духовной Ивана III, в которых дополнительно введено указательное местоимение «сию» перед словом «грамоту»: «спину сию грамоту душевную».

Местоимение «сию» впервые появилось в духовной Софьи Витовтовны, где наблюдается также возврат к раннему порядку слов при замене термина «душевная» на «духовная»: «спину сию духовную грамоту». Термин «духовная» в этом месте формулируется в одном другом великокняжеском завещании не употребляется. Неясность духовной Софьи может быть связана опять-таки с влиянием митрополичьей канцелярии. Сопоставитель второй («иришеской») духовной Василия Темного следует духовной Софьи, ставя определенное раннее слова «грамота», но и то же время он соблюдает великокняжескую традицию, называя грамоту «душевную», а не «духовной»: «спину сию душевную приписную грамоту». Зависимость второй духовной Василия Темного от формулы духовной Софьи определялась тем, что в «иришеской» грамоте речь шла преимущественно о выделении наследства жене завещателя — великой княгине Марии. Очевидно, при создании этого документа было уделено большое внимание содержанию и тексту завещания княгини-матери.

Оборот «б» составляет особенность духовных Ивана Калиты: «ида иъ Ворду». Другие великокняжеские завещания не ссылаются на конкретные исторические обстоятельства, при которых они возникли. Это косвенно свидетельствует о неразности письменной завещательной практики до Калиты, и выражение «ида иъ Ворду» надо понимать не только в том смысле, что князь составлял духовную и предвидения возможной смерти в Орде или на дороге туда или обратно, но и как показатель его намерения утвердить духовную в Орде. Об утверждении грамоты в Орде, казалось бы, свидетельствуют данные, касающиеся утраченной печати на второй духовной Ивана Калиты. Кроме печати князя, к ней, как пишет Л. В. Черешин, «была прилепена монгольская печать хана Узбека с изображением с одной стороны тымга в форме плетенца, с другой — шестяугольной звезды, сложенной из двух треугольников, с четырьмя шариками в

центре». ²⁰ В настоящее время исследователь татаро-монгольской сфратистики М. А. Усманов категорически отрицает принадлежность подобной печати хану Узбеку и не видит в приведенном описании ее никаких признаков соответствия сохранившимся подлинным ханским печатям. Для нас вопрос этот остается открытым.

Ни текст, ни печати последующих грамот великих князей не позволяют говорить об утверждении их в Орде. По крайней мере с Семена Гордого это стало вполне внутренним русским делом. Представляется, что до Ивана Калиты власть на Московское княжество должна была закрепиться ханским ярлыком. Иван Калита сумел добиться отхода от этой практики и узаконил другой способ передачи власти на Московское княжество — запись княжеского распоряжения в духовной. Может быть, связь нового способа со старым являла выражение в необходимости утверждения духовной в Орде. Следующий шаг — отход и от этой формы зависимости от Орды. Начиная со второй духовной Дмитрия Донского московские князья, передававшие раньше своим наследникам право только на Московское княжество, стали распорядиться и великим княжеством Владимирским.

Оборот «я» носит опять-таки исключительный характер. Он имеется лишь в духовной Софьи Витовтовны: «управление чини о своей душе». Формулировка благочестивой цели составления духовной не свойственна великокняжеским завещаниям. В духовной Софьи Витовтовны этот оборот вот поименно под прямым воздействием митрополичьей канцелярии.

Цель составления духовной, по только не благочестивая, а практическая, указана еще во втором завещании Василия Темного после оборота «я»: «Что семь писал болюую свою душевную грамоту, дай ряд своей княгине и своим детям, и чего семь и ту свою душевную грамоту не писал, и на в сю грамоту в приписную написал». ²¹ Однако эту фразу едва ли можно приравнять к обороту типа «я», поскольку в ней объяснение причины написания духовной преобладает над формулировкой цели. К тому же цитированное предложение не входит в систему оборотов, прямо связанных с институцией.

Обороты «я», «до» и «за» встречаются только в грамотах князей XIV в., до Дмитрия Донского включительно. Особенно недолговечен был оборот «я» — о необходимости составления духовной. В духовных Калиты сказано: «никимь не нужен», в духовных Ивана Красного — «ничимь же не нужен». Весьма интересно, что в духовных Калиты «я» следует сразу после оборота «ида въ Ворду». Это служит как бы намеком на то, что великий князь мог быть принужден к составлению духовной и к поездке в Орду татарами.

²⁰ ДДГ, с. 567, № 16; ср.: К а л и т а н о в С. М. Русские княжеские акты. . . с. 115.

²¹ В ДДГ (с. 198) Иван синтаксическая интерпретация этого текста.

В духовной Семена оборот «го онуцен, а и духовных Ивана Красного он потерял первоначальный смысл. В формуле «ириим же не нужен» уже нет намека на каких-либо насильников. Оборот приобрел абстрактное значение, оговаривая невольность составления духовной какими-либо неблагоприятными обстоятельствами. Неудивительно, что и последующие духовные он перестал включаться.

Общим для всех ранних духовных был оборот «до: «целымъ своимъ умомъ». Вероятно, он считался важным как свидетельство психической полноценности завещателя. Начиная с первой духовной Василия Дмитриевича «до заменяется равнозначным оборотом «е»: «и своемъ смысле». Этот оборот находится и в духовных Василия II, Ивана III и великой княгини Софьи Витовтовны, где он дополнен встречающимся только здесь оборотом «ж»: «и и своемъ разуме». Прямое свидетельство психической полноценности завещателя нет лишь во второй и третьей духовных Василия Дмитриевича. Косвенно нормальное состояние его ума и духа подтверждалось формулой «ири своемъ здоронье» (оборот «к»).

Впрочем, одновременное употребление сходных оборотов «здоронье», с одной стороны («з», «п»), и «уме» или «смысле» — с другой («д», «е»), в грамотах Ивана Калиты, Ивана Красного и в первой духовной Василия Дмитриевича показывают, что под «здороньем» подразумевалось прежде всего физическое состояние завещателя. Самая ранняя формула констатации «здоронья» — «и своемъ здоронья» (оборот «з») — применяется в духовных Ивана Калиты и Ивана Красного, следующая по времени формула — «здорон» (оборот «п») — содержится в первой духовной Василия Дмитриевича и, наконец, последняя — «ири своемъ здоронья» (оборот «к») — во второй и третьей духовных Василия Дмитриевича. Указание на «здоронья» отсутствует в духовных Семена Гордого, Дмитрия Донского (2-й), Софьи Витовтовны, Василия II и Ивана III. В трех из этих грамот — Семена Гордого, Василия II (1-й) и Ивана III — имеется другое выражение: «ири своемъ животе» (оборот «л»).

Выражение «ири своемъ животе» наводит на мысль, что документ, где употреблялась эта формула, должен был составиться во время тяжелой болезни завещателя, когда смертельный исход ее казался наиболее вероятным. Обстоятельства смерти великого князя Семена неизвестны. По-видимому, он умер от того же морозного поветрия, которое, как считает Л. В. Черешнин, унесло жизни его малолетних детей — Ивана и Семена.²² Черешнин убедительно доказал, что духовная Семена Ивановича была составлена после смерти митрополита Феогноста и сыновей великого князя. Феогност, согласно большинству летописей, умер

²² Черешнин Л. В. Русские феодально-архивы. . . ч. 1, с. 25. — В летописях нет указаний на смерть Семена и его детей от «морозного поветрия».

11 марта 1353 г.,³² по Львовской, Ермолинской и сводам 1497 и 1518 гг. — 14 марта,³³ по Воскресенской — 1 марта.³⁵ Из этих дат верной является первая. В Симеоновской летописи и Рогожском летописце сказано, что Феогност умер 11 марта на память св. Софония, а в гроб положен 13 марта на память св. Никифора.³⁶ Действительно, память патриархов Софония Черусалимского и Никифора Царьградского празднуется соответственно 11 и 13 марта (ст. стили).³⁷

Точная дата смерти двух сыновей Семена Гордого в летописях не приводится. Они уверяли нас той же неделей, что и митрополит Феогност. Поскольку 11 марта 1353 г. было по понедельником 3-й недели великого поста (пасха — 14 апреля), выражение «на той же неделе» могло обозначать время от вторника 12 марта до воскресенья 17 марта включительно.³⁸

Сам Семен Гордый умер, согласно большинству летописей, 26 апреля,³⁹ по сокращенным сводам 1493 и 1495 гг. — 23 апреля,⁴⁰ по Воскресенской летописи и Пискаревскому летописцу — 27 апреля.⁴¹ Правильна первая дата. Рогожский летописец и Симеоновская летопись приурочивают смерть великого князя к дню памяти св. мученика Василия. При проверке подтверждается, что память священномученика епископа Василия Амасийского празднуется 26 апреля (ст. стили).⁴²

Таким образом, духовная Семена возникла между 17 марта и 26 апреля 1353 г. Л. В. Черешнин считает наиболее вероятным временем составления духовной середину марта, ибо в документе упоминаются епископы — владимирский Алексей и коломенский Афанасий, — которые, по данным летописей, присутствовали на похоронах митрополита Феогноста.⁴³ Однако в определении перархов, присутствовавших на похоронах Феогноста, с одной стороны, и при написании духовной — с другой, наблюдается и разница. В том и другом событии принимал участие еще один Афанасий.

³² ПСРЛ, т. 10. СПб., 1885, с. 226; т. 15 (изд. 2-е), вып. 1. Пер., 1922, стлб. 62; т. 18. СПб., 1913, с. 98; т. 24. Пер., 1921, с. 121; т. 25. М.—Л., 1949, с. 170; т. 30. М., 1965, с. 110.

³³ ПСРЛ, т. 20, первая половина. СПб., 1910, с. 187; т. 23. СПб., 1910, с. 111; т. 28. М.—Л., 1963, с. 73, 234.

³⁴ ПСРЛ, т. 7. СПб., 1856, с. 217.

³⁵ ПСРЛ, т. 15 (изд. 2-е), вып. 1, стлб. 62; т. 18, с. 98.

³⁶ С о р г и й, архим. Полный месяцеслов Востока, т. 11, ч. 1. М., 1876, с. 63, 65.

³⁷ Л. В. Черешнин едва ли прав, считая, что дети великого князя умерли «через неделю после смерти митрополита Феогноста», т. е. 18 марта (Черешнин Л. И. Русские феодальные архивы... ч. 1, с. 25; ДДР, с. 14).

³⁸ ПСРЛ, т. 10, с. 226; т. 15 (изд. 2-е), вып. 1, стлб. 62; т. 18, с. 98; т. 20, первая половина, с. 187; т. 23, с. 111; т. 24, с. 121; т. 25, с. 170; т. 28, с. 73, 234; т. 30, с. 110.

³⁹ ПСРЛ, т. 27. М.—Л., 1962, с. 241, 325.

⁴⁰ ПСРЛ, т. 7, с. 217; т. 34. М., 1978, с. 112.]

⁴¹ С о р г и й, архим. Полный месяцеслов... с. 108.

⁴² Черешнин Л. В. Русские феодальные архивы... ч. 1, с. 25.

Летописи, описывающие погребение Феогноста, называют его епископом Волыанским, а духовная великого князя Семена — владыкой Переслапским. Согласно Строеву, Афанасий, выехав из Волыни около 1353 г., жил затем в Переслапске Залесском.^{43а} Разница титулования Афанасия в летописях и в духовной может свидетельствовать о том, что между двумя событиями прошло известное время, в течение которого вновь прибывший западно-русский иерарх получил право именоваться владыкой Переслапским.

Скорее всего, духовная была составлена не сразу после смерти Феогноста, а ближе к моменту смерти самого великого князя. Это подтверждается тем, что Семен в духовной выступает с монашеским именем «Сазонтъ». Пострижение на одре болезни обычно делалось, когда положение больного казалось безнадежным (вспомним историю пострижения умирающего Василия II в 1533 г.⁴⁴).

Завещание Василия II Л. В. Черепнин датирует временем между 3 мая 1461 г. (поставление в митрополиты Феодоксия, фигурирующего в обеих духовных в этом сане) и 27 марта 1462 г. (смерть великого князя).⁴⁵ Исходя из нашей интерпретации формулы «ири своем житие», эту датировку можно сузить. Если считать, что указанный формулой содержит намек на безнадежное состояние здоровья завещателя, написание «болной» или «ононой» духовной Василия II надо отнести к времени резкого обострения его болезни. Впрочем, уже сам Черепнин склонился к датировке духовной временем болезни великого князя в марте 1462 г.⁴⁶

Согласно сведениям летописей, в «пятюк» Федоровой недели 1462 г. великий князь, предпологаю наличие у себя «сухотной болести», «повелъ жеци ся». Это прижигание привело к тяжелым последствиям: «Егда же разгнишася раны оны, и бысть ему болель тязка, и вехоте и черньци постричися, и по дана ему полн. и в той болельи преставися. . .»⁴⁷ Пятница Федоровой недели приходилась в 1462 г. на 5 марта (пасха — 18 апреля).

В большинстве летописей сообщается, что Василий Темный умер 27 марта, но в Списке Дубровского Новгородской IV, и Твер-

^{43а} Стр о в е в П. [М.]. Списки иерархов и настоятелей монастырей Русской церкви. СПб., 1877, столб. 1037—1038.

⁴⁴ ПСРЛ, т. 13, вторая половина. СПб., 1906, с. 417—418; К а ш т а л о в С. М. Социально-политическая история. . . с. 279.

⁴⁵ Ч е р е п и н И. В. Русские феодальные архивы. . . ч. 1, с. 158—159; ДЛГ, № 61.

⁴⁶ Ч е р е п и н И. В. Русские феодальные архивы. . . ч. 1, с. 158—159.

⁴⁷ Цит. по: ПСРЛ, т. 25, с. 278; ср. т. 4. СПб., 1848, с. 132, 148; т. 4 (изд. 2-е), ч. 1, вып. 2. Л., 1925, с. 493; т. 5. СПб., 1851, с. 273; т. 6. СПб., 1853, с. 185, 277; т. 8. СПб., 1859, с. 150; т. 12. СПб., 1901, с. 115; т. 15. СПб., 1863, столб. 496; т. 18, с. 215; т. 20, первая половина, с. 276; т. 23, с. 157; т. 24, с. 185; т. 26. М.—Л., 1959, с. 220; т. 27, с. 123, 275, 349; т. 28, с. 116, 285; т. 30, с. 135.

ской, Тинографской летописях и в одном из известных списков 1518 г. указано 28 марта.⁴⁸ В ряде летописных списков называется день, на который приходилось 27-е число — суббота. Это соответствует действительности. В Тинографской летописи с субботой неверно отождествлено 28 марта. В Новгородской IV, Софийской I и сводах 1493 и 1495 гг. 27 марта определяется как день памяти св. Матроны Солунской,⁴⁹ а в Тверской летописи 28 марта названо днем памяти св. «Нощи Варакиса» (т. е. Ноны и Варакисы).⁵⁰ И то, и другое приурочение правильно.⁵¹ Фактически противоречия между датами 27 и 28 нет, ибо великий князь умер «в субботу в 3 часа ноци в утрий же день в неделю», т. е. в ночь с субботы на воскресенье или, строго говоря, в воскресенье 28 марта.⁵²

Составление духовных Вasilия Темного могло иметь место между 5 и 27 марта, скорее во второй половине марта, наверное, тогда великий князь поставил вопрос о пострижении, чему его окружение воспринимало (видимо, вокруг проблемы пострижения умирающего великого князя всегда разгоралась острая борьба — об этом ярко свидетельствует история пострижения

⁴⁸ ИСРЛ, т. 4 (изд. 2-е), ч. 1, стр. 2, с. 493; т. 15, стлб. 496; т. 24, с. 185; т. 28, с. 285.

⁴⁹ ИСРЛ, т. 4. СПб., 1848, с. 148; т. 5, с. 273; т. 27, с. 275, 349.

⁵⁰ ИСРЛ, т. 15, стлб. 496.

⁵¹ С е р г и й, архим. Полный месяцеслов... с. 78—79.

⁵² В нескольких летописях известие о смерти Василия II непосредственно продолжено сообщением о его погребении в Архангельском соборе. При этом первое известие датировано летописной датой относится к субботе 27 марта, а второе — к воскресенью (28 марта). В публикациях Воскресенской и Никоновской летописей знаки препинания расставлены еще более или менее осторожно. Так, в Никоновской: «И в той болезни преставися, месяца марта в 27 день, в субботу, в 3 час ноци; в утрий же день, в неделю, и погребен бысть в церкви святаго Архангела Михаила» (ИСРЛ, т. 12, с. 115). Но уже в издании Симеоновской летописи интерпретация совершенно определенная: «... и в той болезни и преставися месяца марта 27 день, в субботу в 3 час ноци. В утрий же день, в неделю и погребен бысть в церкви архангела Михаила» (т. 18, с. 215). Точка после «ноци» поставлена также в издании летописного свода конца XV в., летописей Вологодско-Пермской, Никаноровской, сводами 1497 и 1518 гг. (ИСРЛ, т. 25, с. 278; т. 26, с. 220; т. 27, с. 123; т. 28, с. 116, 285). Эта интерпретация представляется весьма спорной, во-первых, потому, что она не учитывает сложности определения дня смерти великого князя в летописях — не принято в субботу, а в ночь с субботы на воскресенье; во-вторых, при ней оказывается трудно объяснимым сообщение летописей, оперирующих датой 28 марта; в-третьих, оно перед погребением при такой расстановке знаков препинания имеет лишь усильтельное или эвфратическое значение, хотя в предположении уже есть усильтельная частица «и»; думается, оно здесь играет роль союза, с которого начинается новая фраза: «И погребен бысть...» — ср. аналогичную в Софийской II после переписки знаменательного распоряжения Василия Темного о распределении уделов: «И положен во церкви...» (т. 6, с. 185). Замечим, что в известиях о событии, случившемся в ночь с одного дня на другой, летописи приводят обычно число уходящего дня: так, смерть Ивана III датируется 27 октября, хотя она произошла в понедельник на вторник в 1 час ноци» (т. 6, с. 244; ср. т. 12, с. 250 и др.), при этом понедельником было 27 октября, а вторником — 28. Существует единственное в своем роде известие Новгородской IV летописи о смерти Василия Васильевича 4 апреля (ИСРЛ, т. 4, с. 127).

Василия III⁵³). Косвенным показателем написания большой духовной Василия Темного незадолго до его смерти служит, с нашей точки зрения, то довольно необычное обстоятельство, что летописи цитируют ее основное содержание (о распределении уделов),⁵⁴ причем в прямой связи с рассказом о кончине великого князя. Возможно, духовная публично объявлялась после смерти Василия II.

Что касается «принписной» духовной грамоты Василия Темного, то она возникла, конечно, позже «болной», и не исключено, что в последние дни или даже часы жизни великого князя. В ней нет оборота «при своем животех», по поводу чего можно высказать те или иные догадки, но все они потребуют дополнительной аргументации, которой мы пока не располагаем.

Завещание Ивана III Л. В. Черешнин датировал временем до 16 июня 1504 г., поскольку в духовной великого князя Василия Ивановича с братьями от 16 июня 1504 г. есть ссылка на духовную отца.⁵⁵ Тот же исследователь предложил уточненную датировку духовной Ивана III, отнеся ее к апрелю 1504 г.⁵⁶ А. А. Зимин датирует этот документ мартом—апрелем 1504 г.⁵⁷ Автор настоящей статьи склонялся первоначально к мнению, что первая, несохранившаяся духовная Ивана III была готова уже в ноябре 1503 г., а для второй (дошедшей) принимал датировку Черешнина (апрель 1504 г.).⁵⁸ Позднее мы и дошедший вариант духовной считали поздним и конце 1503 г., примерно в декабре.⁵⁹

Иван III умер в ночь с понедельника на вторник 27/28 октября 1505 г. Таким образом, между составлением духовной и смертью великого князя прошло около двух лет, во всяком случае (если принять даже самую позднюю из приведенных выше датировок его завещания) не менее полутора лет. Не говорит ли это против нашего предположения о включении формулы «при своем животех»⁶⁰ и духовные, писавшиеся в период тяжелой болезни за-

⁵³ Не исключено, что духовная Василия III была уничтожена из-за того, что он фигурировал там с монашеским именем «Варлаам», и уничтожение монашеского имени вместо светского ослабило права престолонаследия его сына, малолетнего Ивана IV. Напомним, что после Семена Гордого, писавшего в духовной «Схионто», на престол сел его брат Иван II. После смерти Василия III аналогичные приказания имел, видимо, Юрий Дмитриевский, родной дядя Ивана IV, брат Василия III.

⁵⁴ В Списке Дубровского Новгородской IV летописи большая духовная Василия Темного приводится целиком (ИОРД, т. 4 (изд. 2-е), ч. 1, вып. 2, с. 498—498).

⁵⁵ Черешнин Л. В. Русские феодальные архивы. . . , ч. 1, с. 220—228; ИДГ, № 89.

⁵⁶ Черешнин Л. В. Русские феодальные архивы. . . , ч. 1, с. 221.

⁵⁷ Зимин А. А. О хронологии. . . , с. 319—320, 324.

⁵⁸ Каштанов С. М. Из истории последних уделов. — Труды Москов. гос. историко-архивного ин-та, 1957, т. 10, с. 280—281.

⁵⁹ Каштанов С. М. Социально-политическая история. . . , с. 202.

⁶⁰ В цитате следуют орфографии списка духовной грамоты Ивана III.

печателя? Думаем, что нет. В Никоновской летописи под 7011(1503) г. сообщается: «Того же лета, месяца июля в 28, на память святых апостол Прохора и Никанора, Тимона и Пармеда, князь великий Иван Васильевич всеа Русии начат изнемогати».⁶¹ От 6 августа и сентября 1503 г. дошли постановления церковного собора. Возможно, было два собора — один в начале августа, второй — между 1 и 21 сентября 1503 г. Ко времени собора и житиях Иосифа Волоцкого и Серафима Новгородского приурочено «свето божественно», случившееся с Иваном III.⁶² С 21 сентября по 9 ноября 1503 г. длилась поездка Ивана III с сыновьями в Троице-Сергиев монастырь и по городам к северу от Москвы (Нореславль-Зилесский, Ростов и Ярославль).⁶³

Логичнее всего отнести составление первой духовной Ивана III к тому периоду, когда великий князь «начат изнемогати» и в Москве действовал церковный собор, т. е. к 28 июля—6 августа 1503 г. Именно тогда и заветание могли включить формулу «при своем животе». В дальнейшем в состоянии Ивана III, вероятно, бывали улучшения, о чем, в частности, свидетельствует поездка 21 сентября—9 ноября 1503 г., но Степенная книга рассматривает ее как «поднято большого».⁶⁴ Видимо, эта поездка проходила под флагом подготовки к реализации духовной.

Новая духовная (дошедший вариант) с постановлением о Рузе и половине Ржевы была составлена после 28 ноября 1503 г. (смерть рузского князя Ивана Борисовича) и до января 1504 г. (передача Кашина и руки Юрия Ивановича, второго сына Ивана III). Интересующая нас формула перешла туда из первой духовной. Сохранение оборота «я» при создании последней редакции заветания было обусловлено тем, что болезнь Ивана III продолжалась и приобретала угрожающий оборот (в дошедшем фрагменте Парня от 8 февраля 1505 г. говорилось, что, по сведениям, полученным от одного человека, привезенного из устья Парня, великий князь Иван смертельно болен⁶⁵).

Обратимся теперь к тем двум духовным, в которых не упоминается о «здоровье» заветателя, но нет и выражений «при своем животе». Это духовные Дмитрия Донского (2-я) и Софьи Витовтовны. Л. В. Черепнин правомерно относит составление 2-й духовной Дмитрия Донского к периоду между 13 апреля (отъезд

⁶¹ ИСРЛ, т. 12, с. 257; без указания месяца и числа — в Вологодско-Пермской летописи (т. 26, с. 206).

⁶² Характерно, что в летописях болезнь Ивана III рассматривается как проявление гонимой любви и навалилась одновременно: «сегоже бо господи, любии, наказует».

⁶³ Подробнее см.: К а ш т а н о в С. М. Социально-политическая история... с. 193—197.

⁶⁴ ИСРЛ, т. 21, вторая половина, СПб., 1913, с. 577.

⁶⁵ Подробнее см.: К а ш т а н о в С. М. Социально-политическая история... с. 233; К л а з к о в и И. А. Липовские и ганзейские источники о внутриполитической истории России в конце XV—начале XVI в. — Вспомогат. истор. дисциплины, VII. Л., 1976, с. 156—159.

из Москвы митрополита Пимена) и 16 мая 1389 г. (рождение у великого князя последнего, самого младшего сына Константина).⁶⁶ В духовной Константина не фигурирует, но содержится фраза: «а даст ми бог сына. . .».⁶⁷ Дмитрий Донской умер через три дня после рождения Константина — 19 мая 1389 г. В летописной повести «О жизни и преставлении великого князя Дмитрея Ивановича» отмечены три стадии предсмертной болезни Дмитрия: начало болезни, облегчение, резкое ухудшение и смерть. Самые тяжелые дни наступили после рождения Константина: «. . . и ныкы в болюшую болезнь шлде. . . и уже приближиле бе конецъ жития его. И призна к себе княгиню свою, бе бо и та в болезни, тогда бо родися у нея сын Константин».⁶⁸

Отсюда следует, что духовная, говорящая о рождении сына лишь в предположительной форме, была составлена до безнадёжной стадии болезни великого князя, возможно, когда слегка бысть ему, и изрядованнаея вси людие о семъ. Этим и можно объяснить отсутствие и заветными формулы «при своемъ житиѣ». Судя по летописному рассказу, все знаменательные распоряжения великого князя были объявлены на последней стадии его болезни. Однако сопоставление фактов показывает, что сам текст духовной составлялся до этого времени.

Духовную великой княгини Софьи Витовтовны относят к периоду между 21 июля 1449 г. и 8 августа 1452 г.⁶⁹ Сама знаменательница умерла летом 1453 г. По мнению Л. В. Черенина, составление духовной Софьи могло иметь место в июне—июле 1451 г., когда Москва была осаждена татарами, великий князь в столице отсутствовал и реальную власть здесь представляли Софья Витовтовна и митрополит Иона.⁷⁰ А. А. Зимин говорит, что описанная напряженная ситуация в Москве длилась всего 2—3 дня: великий князь уехал 29 июня, татары подошли 2 июля и на следующий день отступили. Автор не считает вполне обоснованным отнесение составления духовной именно к этому краткому моменту.⁷¹ Отсутствие формул «здоровье» и «зданоте» показывает, на наш взгляд, что документ составлялся в обстановке, угрожавшей жизни великой княгини, но при этом она не считала свое положение безнадёжным. Следовательно, особенности формуляра не противоречат гипотезе Черенина о времени составления духовной Софьи Витовтовны.

Таким образом, детальный дипломатический анализ позволяет, с одной стороны, уточнить датировку великокняжеских актов, а с другой — выяснить закономерности употребления формул

⁶⁶ Черенин Л. В. Русские феодальные архивы. . . , ч. 1, с. 59.

⁶⁷ ДДГ, № 12, с. 35.

⁶⁸ См., например: ПСРЛ, т. 25, с. 216.

⁶⁹ Зимин А. А. О хронологии. . . , с. 313.

⁷⁰ Черенин Л. В. Русские феодальные архивы. . . , ч. 1, с. 157.

⁷¹ Зимин А. А. О хронологии. . . , с. 313.

в зависимости от конкретных обстоятельств создания документа. Все это имеет важное значение для дальнейшего совершенствования методики источниковедческого исследования.

В. Л. Я И И И

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ XV в.

Внешняя история формирования новгородской денежной системы XV в. отражена двумя сообщениями Новгородской I летописи по Комиссионному списку. Под 1410 г. рассказывается: «Того же лета начаша новгородци торговати промежи себе лоньци и гроши литовскими и артуги немецкими, а куны отложаша, при посадничестве Григорья Богдановича и при тысяцком Василии Васильевиче.¹ Под 1420 г. помещено следующее сообщение: «Начаша новгородци торговати денги серебряными, а артуги попродаша Немцом, а торговашо ими 9 лет». ² Известие 1410 г. помещено в конце годового рассказа, но раньше изложения события 21 декабря; известие 1420 г. — в начале годового рассказа, но после события 25 февраля. Поэтому указание на девятилетний срок достаточно точно соответствует истине.

В настоящее время мы располагаем представлением о наличии в XIII—XV вв. трех главных этапов развития новгородской денежной системы.

Основанная на реальном слитке серебра с нормой 196,2 г, кунная система XIII в. имела следующий вид:

Гриши серебра — 15 гришии — 105 белом — 196,2 г серебра,
Гришии — 7 белом — 13,08 г серебра,
Бела — 1,87 г серебра. ³

С появлением на рубеже XIII—XIV вв. горбатого слитка двойного литья, содержащего 170,1 г серебра и получившего название «рубль», кунная система, как она засвидетельствована летописью 1399 г. и торговых книгах Тевтонского ордена,⁴ приобр-

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 402.

² Там же, с. 412.

³ Я и и и В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. — Вспомогат. истор. дисциплины, III. Л., 1970, с. 176.

⁴ Х о р о ш е в и ч А. Л. Иностранное свидетельство 1399 г. и новгородской денежной системе. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 303.